

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”»

На правах рукописи

Золотков Григорий Алексеевич

**ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ И ЕЕ ИСТОЛКОВАНИЕ
В ВИТГЕНШТЕЙНИАНСТВЕ:
ШКОЛА СУОНСИ**

Специальность
5.7.2 – история философии

РЕЗЮМЕ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Макеева Лолита Брониславовна

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	3
Актуальность	3
Степень изученности темы	5
Объект и предмет исследования.....	11
Цели и задачи	12
Теоретико-методологическая основа работы	13
Научная новизна.....	13
Положения, выносимые на защиту	14
Теоретическое и практическое значение.....	16
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.....	17
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	42
АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	46

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы данного исследования обусловлена тремя основными факторами:

Во-первых, хотя многие влиятельные философы XX–XXI вв. подвергли критике традиционные представления о природе философии, среди них едва ли найдётся кто-то, кто в своих высказываниях был бы настолько же радикален, как Людвиг Витгенштейн. Широко известны его утверждения вроде: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны» (ЛФТ, § 4.003); «философские проблемы должны *совершенно* исчезнуть. Подлинное открытие заключается в том, что, когда захочешь, обретаешь способность перестать философствовать» (ФИ, § 133), «какова твоя цель в философии? – показать мухе выход из мухоловки» (ФИ, § 309) и т.д. Подобная радикальность вызвала широкий резонанс в исследовательском сообществе и по сей день привлекает к его идеям как сторонников, так и критиков.

Во-вторых, образность и афористичность письма Витгенштейна зачастую осложняют истолкование его взглядов. Это способствовало появлению многочисленных интерпретаций его творчества, сильно отличающихся друг от друга, а в некоторых случаях и прямо противоположных. Последнее во многом справедливо для метафилософии Витгенштейна, которая вызвала значительные расхождения даже среди преданных последователей мыслителя. Наиболее серьёзным подобным расхождением можно назвать вопрос о той цели, которую преследует т.н. «новый метод» – открытый мыслителем в начале 1930-х гг. способ философствования, к разработке которого свелись его поздние размышления

о природе философии¹. Так, вполне недвусмысленно указав на то, что данный метод не служит построению философских теорий, мыслитель дал лишь обтекаемые формулировки его предназначения. Витгенштейнианцами было предложено несколько вариантов ответа на этот вопрос: концептуальное прояснение языка (§ 2.3.1.), терапия философских проблем (§ 2.3.2.), исследование форм жизни (§ 2.3.3.). Причём каждый из этих ответов, по-разному расставляя акценты в учении Витгенштейна о методе, придаёт своё звучание всему творчеству мыслителя.

В-третьих, школа Суонси, или витгенштейнианцы университета Суонси (Р. Рис, П. Уинч, Д.З. Филипс, И. Дилман и др.), предлагает наименее радикальную интерпретацию нового метода Витгенштейна, истолковывая философию как способ прояснения природы реальности, а философскую проблематику – как восходящую к вопросам возможности дискурса и интеллигибельности языка. Это позволяет данной группе представить метод не как отрицание традиционных философских учений, но как способ их переосмысления.

Указанные факторы ставят перед настоящим исследованием ряд актуальных историко-философских вопросов. В чём заключается привлекательность взглядов Витгенштейна на природу философии? Кого из числа последователей мыслителя следует считать витгенштейнианцами? Образуют ли они некое движение? Какие именно интерпретации нового метода были предложены последователями Витгенштейна? В чём сильные и слабые стороны этих интерпретаций? Что позволило представителям школы Суонси отклониться от радикального ревизионизма мыслителя при рассмотрении природы философии? Предложили ли они удовлетворительное решение данной проблемы?

¹ Подробнее об отождествлении проблемы природы философии и вопроса о правильном методе философствования в творчестве Витгенштейна и его последователей речь пойдёт в § 2.1.

Степень изученности

На сегодняшний день истолкование природы философии в витгенштейнианстве исследовано мало. При этом достаточно подробно рассмотрен ряд родственных вопросов. Так, большой интерес представляет дискуссия, вызванная публикацией сборника «Новый Витгенштейн» (2000)¹. Ожесточённую полемику спровоцировала представленная в данной работе критика т.н. «стандартной интерпретации» – убеждения, сложившегося в 1950-х гг. и к началу 2000-х гг. ставшего доминирующим, согласно которому раннее и позднее творчество Витгенштейна характеризуются двумя разными методами философствования, каждый из которых является производным от разных теорий значения мыслителя. Редакторы сборника и часть его авторов отвергли эту точку зрения, высказав противоположную идею: на протяжении всей жизни у Витгенштейна был один-единственный метод, который не основывался на какой-либо теории, более того, целью этого метода было выявление в основании философских теорий (в том числе и теорий значения) языковых путаниц. Открытое противопоставление друг другу этих интерпретаций буквально поляризовало исследовательское сообщество и в последующие два десятилетия привело к публикации множества работ². Дискуссия имела настолько широкий резонанс, что даже сегодня исследователи, обращающиеся к теме метода Витгенштейна, стремятся обозначить свою позицию в контексте данного спора.

Несмотря на то, что сборник «Новый Витгенштейн» охватывает оба творческих периода мыслителя, вызванная им дискуссия сосредоточилась преимущественно на методе раннего творчества, а конкретнее – на

¹ The New Wittgenstein / Ed. by A. Crary, R. Read. London: Routledge, 2000; Обзор дискуссии см.: *Bronzo S.* The Resolute Reading and Its Critics. An Introduction to the Literature // *Wittgenstein-Studien*. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 45–80.

² Напр.: *Proops I.* The New Wittgenstein: A Critique // *European Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 375–404; *Mounce H.O.* Critical notice of The New Wittgenstein // *Philosophical Investigations*. 2001. Vol. 24. No. 2. P. 185–192; *Hacker P.M.S.* Wittgenstein, Carnap and the New American Wittgensteinians // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. No. 210. P. 1–23; *Beyond the Tractatus Wars: The New Wittgenstein Debate* / Ed. by R. Read, M.A. Lavery. New York: Routledge. 2011.

истолковании утверждения Витгенштейна о том, что предложения, высказанные им в «Логико-философском трактате», бессмысленны (ЛФТ, § 6.54). В связи с этим позднее творчество философа в дискуссии практически не обсуждалось. Составить представление о разногласиях в этой сфере позволяет сборник «Витгенштейн за работой: метод в “Философских исследованиях”»¹ (2004). В его составлении приняли участие как сторонники «стандартной» интерпретации (П.М.С. Хакер, Г.-И. Глок и др.), так и её противники (К. Даймонд, С. Малхол и др.). В том же году вышел сборник «Витгенштейн и скептицизм»² (2004), предложивший иную оптику исследования метода мыслителя: в нём Витгенштейнова концепция природы философии была представлена в свете взглядов мыслителя на скептицизм и способы борьбы с ним. Сборник интересен тем, что в нём собраны работы авторов, придерживающихся довольно непохожих взглядов (К. Райт, Дж. Конант, И. Дилман, С. Кэйвл и др.).

Отголоски дискуссии вокруг «Нового Витгенштейна» можно найти и в индивидуальных монографиях. Прежде всего это вышедшая посмертно книга Г. Бейкера «Метод Витгенштейна»³ (2004), в которой приводится, вероятно, наиболее развёрнутая критика «стандартной интерпретации». С иной позиции выступил П. Хорвич в монографии «Метафилософия Витгенштейна»⁴ (2012). Так, с одной стороны, он раскритиковал «стандартную интерпретацию», утверждая, что в основе всей философии мыслителя (в том числе его языковых концепций) лежит особый подход к исследованию. С другой, он выступил против предложенной новыми витгенштейнианцами интерпретации, полагая, что метод мыслителя может быть сформулирован в виде непротиворечивой философской теории. С. Малхол в своей работе «Большая загадка:

¹ Wittgenstein at Work: Method in the Philosophical Investigations / Ed. by E. Ammereller, E. Fischer. London: Routledge, 2004.

² Wittgenstein and Scepticism / Ed. by D. McManus. London: Routledge, 2004.

³ Baker G.P. Wittgenstein's Method. Neglected Aspects / Ed. by K. Morris. Oxford: Blackwell, 2004.

⁴ Horwich P. Wittgenstein's Metaphilosophy, Oxford: Oxford University Press, 2012.

Витгенштейн и бессмыслица»¹ (2015) высказался против «стандартной» интерпретации. Принимая сторону новых витгенштейнцев, он показал, почему утверждение о бессмысленности религиозных высказываний не умаляет ни абсолютной ценности этих высказываний, ни их содержательности для философского исследования. Интересную точку зрения в контексте дискуссии о методе занял О. Куусела. В своей работе «Витгенштейн о логике как методе философии»² (2019) он утверждает, что хотя в творчестве мыслителя был только один метод, в основе этого метода лежит постепенно расширяемая им программа логического прояснения языка Г. Фреге и Б. Рассела.

Помимо дискуссий вокруг истолкования метода Витгенштейна интерес для настоящего исследования представляют работы, посвящённые процессу рецепции философии мыслителя. Так, здесь можно выделить три группы.

Во-первых, это труды, посвящённые критическому анализу взглядов последователей Витгенштейна. Здесь следует назвать книги С. Малхола «Кэйвл: философия, рассказывающая об обыденном» (1994) и Р. Вайзман «Пособие Рутледж по “Интенции” Энском»³ (1996), и также сборники «Философия и жизнь: Сборник эссе о Джоне Уиздоме» (1984), «Философия Георга Хенрика фон Вригта» (1989), «Витгенштейн и его интерпретаторы: Сборник работ памяти Гордона Бейкера» (2007) и др.⁴ Хотя в данных работах взгляды того или иного последователя Витгенштейна разбираются в целом,

¹ *Mulhall S.* The Great Riddle: Wittgenstein and Nonsense, Theology and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2015.

² *Kuusela O.* Wittgenstein on Logic as the Method of Philosophy: Re-examining the Roots and Development of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2019.

³ *Mulhall S.* Stanley Cavell: Philosophy's Recounting of the Ordinary. New York: Oxford University Press, 1994; *Wiseman R.* Routledge Philosophy Guidebook to Anscombe's Intention. London: Routledge, 2016.

⁴ *Philosophy and Life: Essays on John Wisdom / Ed. by I. Dilman.* Boston: Maninus Nijhoff Publishers, 1984; *The Philosophy of Georg Henrik von Wright / Ed. by P.A. Schilpp, L.E. Hahn.* La Salle, Ill: Open Court, 1989; *Wittgenstein and His Interpreters: Essays in Memory of Gordon Baker / Ed. by G. Kahane, E. Kanterian, O. Kuusela.* Oxford: Blackwell, 2007; *Wittgenstein and the Moral Life: Essays in Honor of Cora Diamond / Ed. by A. Crary.* London: MIT Press, 2007; *Friedrich Waismann: The Open Texture of Analytic Philosophy / Ed. by D. Makovec, S. Shapiro.* New York: Palgrave-Macmillan, 2019.

тема природы философии, как правило, входит в круг рассматриваемых предметов.

Во-вторых, это исследования, реконструирующие историю рецепции идей Витгенштейна. Вероятно, первой подобной работой стала статья Г.Х. фон Вригта «Аналитическая философия: историко-критический обзор»¹, в которой идеи Витгенштейна рассматриваются в контексте истории аналитической философии. Эта работа вдохновила П.М.С. Хакера на исследование процесса рецепции идей мыслителя, результатом которого стала монография «Место Витгенштейна в аналитической философии XX века»² (1996), в которой он подробно разбирает влияние идей Витгенштейна на аналитическую философию минувшего столетия. Его работа является главным на сегодняшний день источником сведений о центрах витгенштейнианской мысли, истории их возникновения и позициях отдельных исследователей. Несколько иначе задачу рассмотрения рецепции в своей работе «(Чрезмерно) интерпретируя Витгенштейна»³ (2003) поставила А. Белецкая. Она сделала акцент на существующих подходах к изложению взглядов мыслителя, предложив их тематическую классификацию, а также подняв вопрос о том, не является ли существующий уровень внимания к философии Витгенштейна аномальным.

Чуть менее информативными в контексте изучения творчества последователей мыслителя являются сборник «Витгенштейн после его “Наследия”»⁴ (2010), в котором рассматривается вопрос о влиянии публикации архива рукописей Витгенштейна⁵ на процесс изучения его мысли,

¹ *Вригт Г.Х. фон* Аналитическая философия: историко-критический обзор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. Т. 1. № 43. С. 78–89; *Вригт Г.Х. фон* Аналитическая философия: историко-критический обзор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. Т. 2. № 44. С. 69–82.

² *Hacker P.M.S.* Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. Oxford: Blackwell, 1996.

³ *Biletzki A.* (Over) Interpreting Wittgenstein. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.

⁴ *Wittgenstein after His Nachlass* / Ed. by N. Venturinha. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

⁵ *Wittgenstein L.* Wittgenstein's Nachlass: Text and Facsimile Version. The Bergen Electronic Edition. Oxford: Oxford University Press, 2000. CD-ROM.

а также небольшая монография Э. Эрбахера «Наследники и издатели Витгенштейна»¹ (2020), в которой на основании переписки трёх душеприказчиков Витгенштейна – Г.Э.М. Энском, Г.Х. фон Вригта и Р. Риса – исследуется процесс подготовки к изданию ряда поздних работ мыслителя.

Также отдельные нюансы рецепции идей Витгенштейна раскрывают посвящённые ему биографические работы², в которых содержится, например, список учеников мыслителя, описание его кембриджских лекций, на которых он практиковал свой новый метод, описание непростых взаимоотношений мыслителя с философией и пр. К этим работам можно отнести переписку и воспоминания о Витгенштейне³.

В-третьих, это работы по философии школы Суонси. Ей были посвящены коллективная монография «Смысл и реальность: эссе из Суонси»⁴ и специальный выпуск журнала «Философские исследования»⁵. Впрочем, в этих работах содержится лишь обзор наиболее заметных идей группы. Степень общности идей школы и трактовка природы философии специально в них не рассматриваются.

История и идеи витгенштейнианства получили отражение также и в отечественной литературе. Так, в своей работе «Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства»⁶ к феномену витгенштейнианства обратился известный историк аналитической философии А.Ф. Грязнов. Следует отметить, что он одним из первых в мире рассмотрел творчество последователей мыслителя как содержательную историко-философскую проблему. Значительно дополнить книгу Грязнова, подробнее познакомив

¹ *Erbacher C. Wittgenstein's Heirs and Editors. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.*

² *Кантерян Э. Людвиг Витгенштейн / Пер. с англ. М. Шер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 130–195; Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Пер. с англ. А. Васильевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 408–436.*

³ *Portraits of Wittgenstein: in 4 vols. Vol. 2–3 / Ed. by F.A. Flowers. Thoemmes Press, 1999; Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / Под ред. В.П. Руднева. М.: Прогресс-Культура, 1993.*

⁴ *Sense and Reality: Essays out of Swansea / Ed. by J. Edelman. Frankfurt: Ontos, 2009.*

⁵ *Philosophical Investigations. 2012. Vol. 35. No. 3–4.*

⁶ *Грязнов А.Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. М.: Изд-во МГУ, 1991.*

читателя с составом и взглядами витгенштейнианства позволяет монография В.А. Ладова «Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии»¹. В ней рассмотрена наиболее важная витгенштейнианская дискуссия, в которую оказался вовлечен широкий круг представителей движения. В ином ключе тему последователей Витгенштейна развивает А.Ю. Рахманин, ряд статей которого посвящен взглядам витгенштейнианцев в области философии религии². Следует отметить, что часть этих статей раскрывает взгляды школы Суонси³. Идеи некоторых витгенштейнианцев были рассмотрены в работах М.С. Козловой⁴, В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева⁵, К.А. Родина⁶, О.В. Артемьевой⁷, А.С. Мишуры⁸.

¹ *Ладов В.А.* Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Томского университета, 2008. В 2023 работа была переиздана, см.: *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

² См.: *Рахманин А.Ю.* Логика и религия в философии языка Джона Уиздома // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 4. С. 33–46; *Рахманин А.Ю.* Норман Малкольм об онтологическом аргументе: философский анализ, обыденный язык и здравый смысл // Эпистемология и философия науки. 2018. Vol. 55. № 4. С. 114–128; *Рахманин А.Ю.* Анализ онтологического аргумента как опыт метафилософии (Н. Малкольм и М. Лазеровитц) // Вестник РХГА. 2021. Т. 22. №2. С. 54–63; *Рахманин А.Ю.* Рассел как метафизик: ученики Витгенштейна о его учителе // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. № 3. С. 78–86; *Рахманин А.Ю.* Автономия религии и религиозный плюрализм в лингвистической философии и феноменологическом религиоведении // Философия религии: аналитические исследования. 2020. Т. 4. № 1. С. 90–103.

³ См.: *Рахманин А.Ю.* «Религия» в философии обыденного языка: несколько наблюдений // Вестник РХГА. 2018. Т. 19. № 4. С. 26–36; *Рахманин А.Ю.* «Грамматика» понимания, «Грамматика» рациональности: П. Уинч и А. Макинтайр об антропологии Э. Эванс-Притчарда // Религиоведческие исследования. 2018. Т. 2. № 18. С. 112–137.

⁴ *Козлова М.С.* Джон Уиздом. Концепция философских парадоксов // История философии. 1997. № 1. С. 111–120.

⁵ *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 207–208.

⁶ *Родин К.А.* Проблема следования правилу и место Л. Витгенштейна в социологических исследованиях: возвращение к Питеру Уинчу // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 3. С. 23–33.

⁷ *Артемьева О.В.* У истоков современной этики добродетели // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 163–181.

⁸ *Мишура А.* Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 87–114.

Кроме того, стоит отметить реконструкцию метафилософии самого Витгенштейна, проведённую отечественными исследователями. Работы М.С. Козловой¹, А.Ф. Грязнова², З.А. Сокулер³, В.А. Суровцева⁴, С.В. Данько⁵, К.А. Родина⁶ и др. знакомят отечественного читателя с кругом обсуждаемых мыслителем проблем и его терминологическим аппаратом. Прделанная в этом направлении работа рассматривается в книге С.В. Никоненко⁷, в которой представлен критический анализ отечественных витгенштейноведческих работ.

Объектом диссертационного исследования является рецепция учения Л. Витгенштейна его последователями.

Предметом исследования являются истолкование природы философии представителями школы Суонси и другими «ортодоксальными» витгенштейнианцами, т.е. наиболее влиятельной частью последователей Витгенштейна, чьи идеи задали основные направления осмысления взглядов мыслителя.

¹ Козлова М.С. Философия и язык (Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX века). М.: Мысль, 1972. С. 200–237; также см.: Козлова М.С. Философия как деятельность. Мысли Л. Витгенштейна // Аналитическая философия. Сборник обзоров. № 3. М.: ИНИОН, 1991. С. 110–126; Козлова М.С. Л. Витгенштейн: особый подход к философии (к проблеме бессмысленности философских фраз) // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 42–48; Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) // История философии. 2000. № 5. С. 3–34; Козлова М.С. Витгенштейн: новый образ философии // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 25–32.

² Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. М., 1985. С. 96–102.

³ Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. С. 101–120, 135–146; интерес в этом отношении также представляет другая её работа: Сокулер З.А. Проблема обоснования знания: Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера. М.: Наука, 1988.

⁴ Суровцев В.А. «Важная бессмыслица»: Ф.П. Рамсей и практическая философия Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2. С. 310–324.

⁵ Данько С.В. Отменил ли Витгенштейн философию? (Лабиринт ненаписанной части Логико-философского трактата) // Vox. Философский журнал. 2013. № 15. С. 1–38.

⁶ Родин К.А. Устройство философской головоломки по Витгенштейну (кембриджские лекции по основаниям математики) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 200–205.

⁷ Никоненко С.В. Витгенштейн и лингвистическая философия в контексте отечественной мысли. СПб.: Изд-во РХГА, 2018.

Цель данного исследования – теоретическая реконструкция и критический анализ взглядов представителей школы Суонси на природу философии в контексте идей ортодоксального витгенштейнианства. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

Во-первых, необходимо дать историко-философскую характеристику современного витгенштейнианства, очертить его хронологические рамки, определить его ведущих представителей и указать его основные институциональные формы.

Во-вторых, в рамках данного движения провести различие между «ортодоксальными» и «неортодоксальными» витгенштейнианцами на основании того, какое значение их исследования имеют для дальнейшего развития взглядов Витгенштейна на природу философии и каким влиянием пользуются, и обозначить круг представителей ортодоксального витгенштейнианства.

В-третьих, выявить в учении позднего Витгенштейна о природе философии те положения, которые привлекли наибольшее внимание его последователей и составили основу их собственных разработок в этой области.

В-четвертых, определить и охарактеризовать основные стратегии интерпретации ортодоксальными витгенштейнианцами данных положений учения позднего Витгенштейна о природе философии, отметив пункты наибольших расхождений в их интерпретациях.

В-пятых, представить школу Суонси как одно из направлений ортодоксального витгенштейнианства, взгляды которого на природу философии опираются на понятие формы жизни, реконструировать процесс развития этих взглядов, выявив в них определенную преемственность и общность, и на этой основе сформулировать то общее, что отличает предложенную суонсийцами интерпретацию учения Витгенштейна о природе философии.

В-шестых, дать историко-философскую оценку роли и значения взглядов представителей школы Суонси на природу философии.

Теоретико-методологическая основа работы

Основной метод данной работы – историко-философская реконструкция. С его помощью витгенштейнизм представлен как философское движение, прослежен процесс возникновения метафилософских расхождений между ортодоксами, реконструировано становление взглядов представителей школы Суонси.

Для решения более конкретных задач нами привлекаются иные методы. Концептуальный анализ – для прояснения термина «витгенштейнизм», а также рассмотрения понятийного аппарата философии Витгенштейна и его последователей. Сравнительный анализ – для разграничения витгенштейнизма и близких ему течений, выделения и описания его метафилософской программы в контексте аналитической традиции, а также для сопоставления течений внутри самого витгенштейнианского движения. Метод рациональной реконструкции – для историко-философской характеристики витгенштейнизма и определения его места в современной аналитической философии, для формулировки основных истолкований нового метода Витгенштейна, и ответа суонсийцев на вопрос «что такое философия?».

Научная новизна

Представленная работа – одно из первых исследований, посвящённых теме метафилософии в витгенштейнизме. Как было отмечено выше, отечественные и западные исследователи занимались углубленным изучением ряда близких по содержанию тем, однако сама рецепция учения Витгенштейна о природе философии ранее не рассматривалась. С этим связан ряд моментов, которые могут претендовать на научную новизну:

1. Несмотря на то, что в литературе витгенштейнианство часто упоминается как движение, его границы и структура, по сути, не были предметом внимательного исследования. В данной работе мы пытаемся установить их, а также выявить основные особенности этого движения.

2. В работе предпринята попытка взглянуть на полемику витгенштейнианцев о философском методе не как на споры об аутентичном истолковании Витгенштейна, но как на концептуальную основу для продуктивного осмысления природы философии.

3. Впервые в отечественной литературе рассматривается история становления и развития современного витгенштейнианского движения; сопоставляются взгляды витгенштейнианцев на природу философии; раскрывается специфика интерпретации взглядов позднего Витгенштейна на природу философии, предложенной представителями школы Суонси.

4. Многие из использованных в данной работе источников ещё не были переведены на русский язык, и данная работа впервые вводит их в научный оборот отечественной философии.

Положения, выносимые на защиту

1. Витгенштейнианство может быть определено как философское движение, представители которого разделяют не просто некоторые взгляды Витгенштейна, а прежде всего его взгляды на природу философии.

2. Работы последователей Витгенштейна, истолковывающие природу философии, следует оценивать не только как интерпретации концепций мыслителя, но также как оригинальные учения, претендующие на творческое развитие данной темы.

3. Следует разграничить ортодоксальную и неортодоксальную части витгенштейнианства. В качестве ключевого различия между ними предлагается считать стремление ортодоксов сохранить и творчески развить антидогматический мотив философии Витгенштейна, что в конечном счете и определило основные направления её рецепции.

4. В ортодоксальном витгенштейнианстве источником расхождений при интерпретации учения Витгенштейна о природе философии во многом послужила неоднозначность взглядов самого мыслителя, возникшая в результате его непрерывного поиска ответа на вопрос, как следует философствовать. Поскольку у Витгенштейна, как будет показано, размышления о природе философии вылились главным образом в стремление сформулировать новый метод философствования и поскольку в разных текстах он по-разному характеризует цель данного метода, последний может пониматься как: а) прояснение языка; б) терапия философских проблем; в) исследование форм жизни. Это нашло отражение в трёх линиях интерпретации метода: в его трактовках как концептуального анализа (П.М.С. Хакер, Н. Малкольм, Ф. Вайсман, Г.Х. фон Вригт, Г.Э.М. Энском), в его психоаналитических интерпретациях (Г. Бейкер, Дж. Уиздом, М. Лазеровиц); а также в его трактовках как исследования форм жизни (С. Кэйвл, К. Даймонд, Дж. Конат, а также школа Суонси).

5. В отличие от многих ортодоксальных витгенштейнианцев, склонных оставлять в стороне вопрос о наличии рациональных оснований у философских проблем, Р. Рис, П. Уинч, Д.З. Филипс и И. Дилман предложили более конструктивное истолкование идей Л. Витгенштейна. Ими были выдвинуты концепции философии, которые: а) не содержат тезис о бессмысленности философских проблем, но, напротив, обосновывают осмысленность вопросов о возможности дискурса и интеллигибельности языка; б) основной задачей философии называют прояснение природы реальности.

6. Общность позиции суонсийцев в этих вопросах позволяет признать справедливым употребление по отношению к ним термина «школа».

7. Представители школы Суонси гораздо лучше других ортодоксов осознали невозможность полностью отбросить сложившиеся представления о философии как проблемно-ориентированном исследовании, а также

необходимость их переосмысления в свете критики, выдвинутой Витгенштейном.

Теоретическое и практическое значение диссертации обусловлены, с одной стороны, малой изученностью взглядов витгенштейнианцев на природу философии, с другой, результатами, полученными в диссертации при изучении взглядов данной группы философов. Как сам этот материал, так и предложенные подходы к его изучению могут быть использованы в дальнейших историко-философских исследованиях аналитической традиции. Представленный в диссертации материал также актуален и для метафилософских исследований. Кроме того, результаты диссертации могут найти применение при подготовке лекционных курсов и семинаров по аналитической философии, написании учебных пособий и программ по данной тематике.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень её научной разработанности. Определяются объект, предмет, цель и задачи исследования. Раскрываются её методология, научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава («Витгенштейнизм как историко-философский феномен») посвящена характеристике витгенштейнизма: вводится его определение, очерчиваются его хронологические рамки, перечисляются его ведущие представители и выявляются его формы. Решение данных задач является подготовительным этапом в исследовании, необходимым для постановки проблемы природы философии в витгенштейнизме. Несмотря на кажущуюся понятность, термины «витгенштейнцы» и «витгенштейнизм» представляют собой определенную трудность для интерпретации. Неясно, например, какой конкретный круг исследователей очерчивает термин «витгенштейнцы», образует ли множество витгенштейнцев единое философское движение, и если образует, то как и в какой степени оно институализировано; каковы его основные центры, какова его внутренняя структура; как оно возникло и развивалось. Без получения, по крайней мере, предварительных ответов на эти вопросы, центральная проблема данного исследования не может быть сформулирована удовлетворительным образом.

В **параграфе 1.1.** («История термина «витгенштейнцы»») анализируются способы употребления термина «витгенштейнцы», встречающиеся в научной литературе. Нами выявляются четыре его значения. Во-первых, это «ученики Витгенштейна». Ещё при жизни мыслителя появились первые статьи, в которых слушатели его кембриджских лекций (1930–1947 гг.) применяли открытый им метод философствования. Упоминание в этих статьях Витгенштейна как создателя данного метода и отнесение авторами себя к его ученикам, послужило поводом для введения в

научный оборот термина «витгенштейнианцы» и «витгенштейнианская техника». Важно отметить, что т.к. свои поздние взгляды мыслитель не представлял на суд широкого академического сообщества, не публикуясь и не выступая на конференциях, слушатели его лекций были практически единственными людьми, посвящёнными в его взгляды. По этой причине термин «витгенштейнианцы» до середины 1950-х гг. означал непосредственное ученичество у мыслителя. Во-вторых, это значение «сторонники философии Витгенштейна». С выходом в свет в 1953 г. «Философских исследований», у идей мыслителя появляется множество новых поклонников, как, впрочем, и противников, которые не менее активно пользуются этим термином. В то же время если ранее витгенштейнианцами называли только авторов, непосредственно знакомых с Витгенштейном, то теперь этот смысл дополняется новым. Термин начинают использовать для указания на определенные философские убеждения. Так, например, Э. Геллнер приписывает витгенштейнианцам стремление свести исследование к рассмотрению повседневных высказываний, М. Даммит утверждает, что основой учения витгенштейнианцев является особая теория значения, Дж. Уиздом указывает, что для витгенштейнианцев характерен поиск источника философских проблем и отказ как от попыток их решения, так и от построения теорий. В-третьих, это значение «исследователи творчества Витгенштейна». С конца 1960-х гг. идеи мыслителя становятся предметом многочисленных историко-философских исследований. Хотя в литературе это направление рецепции получило название «витгенштейноведение», или «исследования Витгенштейна» (Wittgenstein studies), его представителей также иногда называют витгенштейнианцами. Несмотря на кажущуюся некорректность такого употребления этого термина, сама возможность витгенштейноведения, направленного исключительно на реконструкцию идей мыслителя и не претендующего на творческое развитие оных, на практике достаточно быстро была поставлена под сомнение в многочисленных дискуссиях, вскрывших условность границ между последователями и

исследователями Витгенштейна. В-четвёртых, это значение «члены обществ имени Витгенштейна». В настоящее время существует ряд обществ, основной задачей которых является исследование и популяризация философии Витгенштейна, например, «Австрийское общество Людвига Витгенштейна» (The Austrian Ludwig Wittgenstein Society), «Британское общество Витгенштейна» и др. Хотя принадлежность к этим обществам даёт достаточно условные основания для использования в отношении их членов термина «витгенштейнианцы», это употребление всё же существует. А если учесть, что в последние десятилетия эти общества достигли впечатляющих успехов в популяризации идей мыслителя, то игнорировать это значение не следует. Выделенные значения данного термина позволяют констатировать наличие в научной литературе тенденции к увеличению их числа и, отсюда, его нарастающую неопределённость. Так, выявленные значения могут пересекаться, образуя новые, например, «сторонники, являвшиеся учениками» или «исследователи, являющиеся сторонниками». Обнаружение подобной неопределённости делает необходимо уточнить, в каком именно значении термин будет употребляться нами в ходе исследования.

В параграфе 1.2. («Витгенштейнианство как философское движение») дается характеристика витгенштейнианства, позволяющая нам очертить тот круг последователей мыслителя, который мы будем иметь в виду в нашем исследовании. Так, к витгенштейнианцам мы предлагаем относить только сторонников взглядов Витгенштейна на природу философии. Данный признак позволяет нам охарактеризовать витгенштейнианство как философское движение, членов которого сближает убеждение в особом историко-философском значении учения Витгенштейна. Хотя сама задача представить деятельность последователей мыслителя как некое целое может показаться неосуществимой, на наш взгляд, предпринимаемые в этом направлении усилия не только имеют смысл, но и довольно актуальны, учитывая, что благодаря учению Витгенштейна в аналитической традиции возникло и постепенно эволюционировало новое направление, чуждое сциентизму,

философскому теоретизму и академической отстранённости от предмета исследования.

Адекватность проведения границ витгенштейнианского движения подобным образом, иллюстрируется нами в **параграфе 1.3.** («Разграничение витгенштейнианства с идейно близкими учениями»), в котором показывается, что предложенный признак является удобным инструментом для проведения водораздела между движением и такими идейно близкими ему группами, как Венский кружок и философия обыденного языка. В **подпараграфе 1.3.1.** («Венский кружок») показывается, что среди членов Венского кружка метафилософские взгляды Витгенштейна разделяли только М. Шлик и Ф. Вайсман и что другие представители кружка, например Г. Ган, Р. Карнап, О. Нейрат, напротив, критиковали их. Отсутствие единодушного принятия этих взглядов позволяет нам вынести данную группу за рамки движения. В **подпараграфе 1.3.2.** («Философия обыденного языка») излагаются критические аргументы оксфордских философов обыденного языка (Г. Райл, Дж. Остин и П. Стросон), направленные против представлений Витгенштейна о природе философии. Наличие этой критики позволяет отвергнуть предположение о витгенштейнианском статусе данной группы, хотя этим и не отрицается огромное влияние Витгенштейна на философию обыденного языка во многих других аспектах.

Основные исторические вехи в развитии витгенштейнианства, а также его центры и представители характеризуются нами в **параграфе 1.4.** («Обзор эволюции витгенштейнианства»). Отмечается, что в процессе эволюции витгенштейнианское движение приняло две основные формы. Во-первых, это «ортодоксальное витгенштейнианство». Именно данная форма движения будет интересовать нас в настоящем исследовании. Это её представители определили основные направления рецепции идей мыслителя, творчески осмысляя его взгляды и тем самым сохраняя верность доминирующему антидогматическому мотиву его философии. Во-вторых, это «неортодоксальное витгенштейнианство», представители которого

сосредоточились преимущественно на деятельности по популяризации идей мыслителя. Следует уточнить, что неортодоксальность здесь не обязательно означает отказ от неуклонной приверженности идеям Витгенштейна. На уровне риторики многие из этих авторов строго следуют «букве» учения философа. Однако их работы не определяют направления развития движения, но лишь уточняют отдельные нюансы уже сложившихся линий рецепции.

В подпараграфе 1.4.1. («"Ортодоксальное" витгенштейнианство (I)») рассматривается первый ортодоксальный центр витгенштейнианского движения – Кембриджский университет. Дается характеристика лекций Витгенштейна, которые он читал там с 1930 по 1947 гг. Высказывается предположение о том, что особая диалоговая форма лекций мыслителя способствовала передаче его манеры философствования ученикам. Также дается общая характеристика учения главного представителя кембриджского витгенштейнианства – Джона Уиздома. **В подпараграфе 1.4.2.** («"Ортодоксальное" витгенштейнианство (II)») представлен процесс рецепции идей Витгенштейна в других ортодоксальных центрах витгенштейнианской мысли, в Оксфордском университете, университете Суонси, Хельсинском университете, Мельбурнском университете, Корнельском университете, Колледже Смит, а также в Гарвардском университете. Подчеркивается, что на фоне этих центров университет Суонси выделяется проведением в его стенах особого семинара, который воссоздавал особую интеллектуальную атмосферу кембриджских лекций Витгенштейна. Утверждается, что наличие подобной преемственности, позволявшей перенимать новым поколениям метод на практике, стало причиной специфического понимания суонсийцами духа последнего.

В подпараграфе 1.4.3. («Неортодоксальное витгенштейнианство») обрисовывается деятельность широкого круга неортодоксальных последователей Витгенштейна, указывается, что они не внесли существенного вклада в творческое осмысление его учения о природе философии, однако значительно способствовали популяризации его идей. Приводится их

публикационная активность, рассматривается деятельность обществ, посвящённых исследованию и популяризации философии Витгенштейна. Отмечается тенденция к изоляции неортодоксального витгенштейнианства от мейнстрима аналитической традиции, а также к определённому обеднению содержания дискуссий, ведущихся между его представителями. Всё это позволяет нам констатировать переход витгенштейнианского движения в новую стадию развития, которую отличает ряд негативных черт. Во-первых, произошла изоляция части витгенштейнианства от остального философского сообщества. Во-вторых, многие содержательные витгенштейнианские темы оказались исчерпанными, что повлекло «специализацию» дискуссий. В-третьих, снизилась оригинальность идей, предлагаемых движением. Также в подтверждение данного заключения приводятся мнения как самих витгенштейнианцев, так и их противников, утверждающих о наступлении некоторого застоя в развитии движения.

В итогах главы делается заключение о том, что хотя термин «витгенштейнианцы» не имеет чёткого значения, при определенном его понимании витгенштейнианцы могут быть рассмотрены как представители философского движения, придерживающегося убеждения в истинности взглядов Витгенштейна на природу философии. Принимая во внимание огромный объём литературы, посвящённой учению мыслителя о методе, делается заключение о необходимости ограничить рассмотрение взглядов школы Суонси кругом наиболее релевантных авторов. На наш взгляд, наиболее подходящей для этого перспективой является выделенное нами «ортодоксальное витгенштейнианство».

Вторая глава («Проблема природы философии в работах Витгенштейна и его ортодоксальных последователей») посвящена анализу позднего учения Витгенштейна о философском методе, а также определению и характеристике основных стратегий интерпретации этого учения в творчестве его ортодоксальных последователей. В **параграфе 2.1.** («Природа философии и

философский метод») раскрывается смысл, в котором Витгенштейн и его последователи говорят о методе философии. Показывается, что в данном случае речь идёт не о некоей частной технике исследования, но о философии вообще, о поиске правильного способа философствования. Отмечается, что, обсуждая метод, и сам Витгенштейн и его последователи обращаются к ряду таких общих тем, как: цель, предмет и природа проблем философии, её отличия от науки и пр. Подобная постановка вопроса показывает, что в данном случае проблема метода синонимична прескриптивному смыслу вопроса о природе философии, т.е. вопросу о надлежащих способах исследования.

В параграфе 2.2. («Проблема природы философии у Витгенштейна: новый метод») учение позднего Витгенштейна о методе анализируется нами на примере таких работ, как «Лекции Витгенштейна в 1930-33 гг.», «Голубая книга», первая часть «Философских исследований», «О достоверности». **В подпараграфе 2.2.1.** («Обоснование выбора анализируемых текстов») обращение исключительно к этим текстам объясняется тем, что именно в них изложены идеи, оказавшие наибольшее влияние на витгенштейнианскую мысль. Предлагается считать несущественным в контексте целей нашего анализа тот факт, что данные работы подвергались внешней редактуре. Утверждается, что отсутствие бесспорных свидетельств в пользу того, что вмешательство душеприказчиков философа принципиальным образом исказило мысль последнего, позволяет использовать данные тексты в качестве источника.

В подпараграфе 2.2.2. («“Лекции Витгенштейна в 1930-33 гг.”») анализируется одно из первых описаний Витгенштейном своего нового метода философствования. Отмечается, какую историческую значимость мыслитель приписывал этому методу. Так, на его взгляд, в тот момент происходило зарождение «современной» философии, в центре которой, в отличие от «традиционной» будет находиться «умение» (matter of skill), или метод. По Витгенштейну, прежние способы философствования больше не работают, сохраняясь лишь в виде устоявшихся, но бесплодных мыслительных ходов,

затрудняющих овладение методом, построенном на ходах «непривычных», но действенных: «...философия требует “типа мышления”, к которому мы не привыкли и которому не обучены. Типа мышления, который сильно отличается от того, что требуется в науках»¹. Пытаясь пояснить содержание этого нового метода, Витгенштейн приводит такую последовательность действий: «...мы должны следовать определённом инстинкту, побуждающему задавать определённые вопросы, хотя даже не понимаем, что значат эти вопросы <...> мы задаём эти вопросы из-за “смутного умственного беспокойства”, похожего на то, что заставляет детей спрашивать: “Почему?”. <...> данное беспокойство можно исцелить либо показав, что некий вопрос недопустим, либо ответив на него»². При этом, хотя Витгенштейн указывал на необходимость исцеления «умственного беспокойства» и отказывался от возможности получения нового знания в философии, он всё же подчёркивал, что добиться данного исцеления можно только «благодаря синопсису многих тривиальностей»³, и философия в процессе составления этого синопсиса «должна многое сообщить о языке»⁴.

В подпараграфе 2.2.3. («“Голубая книга”») анализируется характеристика природы философских проблем, данная Витгенштейном в работе «Голубая книга». Показывается, что, на его взгляд, «само слово “проблема” применяется неверно при использовании для наших философских затруднений»⁵. По его мнению, суть философских проблем лучше передаёт термин «головоломки» (puzzles). Разрабатывая этот термин, Витгенштейн акцентирует внимание на трёх аспектах: а) ядро философской проблемы составляют языковые путаницы; б) философская проблема обладает особым очарованием, способным озадачивать; в) и также она способна вызывать

¹ Мур Дж.Э. Лекции Витгенштейна в 1930-33 гг. / Пер. с англ. С.Б. Степаненко, В.А. Суровцев // Vox. Философский журнал. 2015. № 19. С. 76.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 80.

ментальный дискомфорт (специфическое болезненное ощущение, сравниваемое мыслителем с неутолимим голодом). Отмечается, что хотя Витгенштейн вновь сводит метод работы с головоломками к поиску и устранению возникающих языковых путаниц, теперь он уточняет, что причину подобных «недугов» следует внимательно анализировать, вдумчиво подходить к соответствующим проблемам, а не «отмахиваться» от них, как это делают защитники здравого смысла. Так, например, он утверждает, что избавить идеалиста от искушения сказать нечто метафизическое нельзя «путём повторного формулирования опорных точек здравого смысла»¹. Идеалист прекрасно знает эти «истины», они не мешают, но, скорее, усугубляют его проблему. Необходимость внимательного отношения к головоломкам в работе объясняется не только наличием у них особой способности «очаровывать» нас, искушающей «выйти за границы здравого смысла», но также обратной, болезненной стороны, а именно «ментального спазма» (mental cramp), или «ментального дискомфорта», при котором неспособность решить проблему вызывает подлинные страдания.

В подпараграфе 2.2.4. (««Философские исследования»») рассматриваются те задачи, которые были поставлены в отношении метода в первой части «Философских исследований». Отмечается, что в этой работе Витгенштейн перестаёт использовать для описания философских проблем термин «головоломки». На наш взгляд, это объясняется смещением направленности его метода от выявления природы философских проблем к устранению тех болезненных состояний, которые они вызывают, и, соответственно, потерей для него актуальности вопросов, связанных с этим понятием. Ориентация в работе на новые задачи дала его методу такие названия, как «философская терапия», «лингвистическая терапия», «терапевтический метод» и т.п. Именно в этой версии его метод получает наиболее радикальные описания. Например, такое: «...философские

¹ Там же. С. 96.

проблемы должны *совершенно* исчезнуть. Подлинное открытие заключается в том, что, когда захочешь, обретаешь способность перестать философствовать. – В том, что философия умиротворяется, так что ее больше не лихорадят вопросы, ставящие под сомнение *её самое*» (ФИ, § 133). Одновременно с этими показывается, что Витгенштейн не отказался от принципиально иной задачи – прояснения философской грамматики, т.е. тех языковых правил, которые определяют, как может и как не может использоваться некоторый концепт. Подобное прояснение строится на анализе языка путём рассмотрения различных примеров употребления слов, в результате которого философствующий должен начать тоньше осознавать грамматику отдельных фрагментов языковой практики. При этом важно отметить, что в контексте деятельности по концептуальному прояснению, Витгенштейн фактически направляет метод на решение задачи, противоположной философской терапии: вместо поиска выхода из языковой ловушки, он, напротив, предлагает «поддаться искушению» и исследовать проблему изнутри (ФИ, § 374). Тем самым в «Философских исследованиях» в отношении метода ставятся две разнонаправленные задачи: во-первых, проведение особой терапии, результатом которой является полное устранение философских проблем и прекращение дальнейшего философствования; во-вторых, концептуальное прояснение языка, для которого погружение в данные проблемы и нагнетание философской мысли является чрезвычайно важными элементами.

В подпараграфе 2.2.5. («“О достоверности”») анализируется ещё одна вариация метода, возникновение которой позволяет установить работа «О достоверности». Показывается, что в ней Витгенштейн не ставит задачи ни по терапии философских проблем, ни по концептуальному анализу языка. Рассматривая «защиту здравого смысла» Дж.Э. Мура (которая представляет собой опровержение позиции философа-скептика с помощью указания ему на

такие высказывания, как «я знаю, что вот это моя рука»¹), мыслитель не критикует её ни за наличие особого философского смысла у утверждений типа «я знаю, что...», ни за то, что указание скептику на противоречие его сомнений обыденным представлениям, едва ли устраняет его беспокойство. В работе Витгенштейн находит иное применение своему методу, направляя его на исследование той специфической достоверности, которую имеют для нас «трюизмы здравого смысла». Данный подход позволяет приписать методу ещё одну задачу – задачу по философскому осмыслению форм жизни, или форм «социальной организации человеческой деятельности, человеческого опыта, познавательного и эмоционального»².

Проведённый анализ работ Витгенштейна позволяет нам в **подпараграфе 2.2.6.** («Полифония идей в учении Витгенштейна о методе») сформулировать пять основных положений нового метода: 1) философское исследование не направлено на получение содержательных истин; 2) философские проблемы по своей природе являются головоломками; 3) философия имеет терапевтический характер; 4) правильная техника философии сводится к особому концептуальному анализу; 5) формы жизни могут служить предметом содержательного философствования. Также мы приходим к тому заключению, что многообразие трактовок метода, предложенных последователями Витгенштейна, обусловлено своеобразной идейной «полифонией» его учения о методе, т.е. некоторой неоднозначностью его взглядов на природу философии, возникшей в процессе эволюции его мысли. Выявление подобной полифонии позволяет нам предположить, что, во-первых, расхождения между ортодоксальными витгенштейнианцами при истолковании ими метода возникли в результате развития разных вариаций одного и того же, во-вторых, рассмотренные в противопоставлении эти

¹ Мур Дж.Э. Доказательства внешнего мира / Пер. с англ. И.В. Борисовой // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 81.

² Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрезера // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 249.

истолкования позволяют гораздо полнее вскрыть идейный потенциал метафилософии Витгенштейна, чем взятые по-отдельности.

В **параграфе 2.3.** («Трактовка проблемы природы философии в ортодоксальном витгенштейнианстве») выявляются три основные линии истолкования учения Витгенштейна о методе его ортодоксальными последователями. В основе каждой из этих линий выявляется собственное оригинальное прочтение центральных положений метода, выделенных нами в § 2.2.6.

В **подпараграфе 2.3.1.** («Философия как концептуальный анализ») выявляются особенности истолкования метода Витгенштейна, представляющего его как способ прояснения языка. Для этого нами рассматриваются взгляды нескольких ортодоксальных витгенштейнианцев. Во-первых, характеризуется позиция наиболее заметного представителя данной линии интерпретации – П.М.С. Хакера, по мнению которого: «Цель философии состоит в прояснении видов смысла, которые в том или ином отношении являются концептуально озадачивающими <...>. Обязанностью философии – <...> является искоренение бессмысленности. Одному богу известно, сколько их [бесмыслиц] как в философии, так и в эмпирических и априорных науках. Наградой в этом деле является не увеличение количества знаний о чём-либо, но, скорее, надлежащее понимание структуры и узлов нашей концептуальной схемы, устранение концептуальных путаниц»¹. Во-вторых, показывается, что похожей точки зрения придерживается ученик Витгенштейна – Н. Малкольм. На его взгляд, впрочем, а) уточнения словоупотребления может оказаться недостаточно, чтобы избавить философствующего от ошибочного способа рассуждения и ложных аналогий, и б) философская путаница предполагает заведомо некорректное употребление, поэтому само по себе указание на отсутствие обыденных

¹ *Hacker. P.M.S. Analytic Philosophy: Beyond the linguistic turn and back again // The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology / Ed. by M. Beaney. London: Routledge, 2007. P. 139.*

употреблений у тех или иных концептов не является продуктивным. Отмечается, что Малкольм несколько иначе понимает механизм работы философских путаниц, трактуя их не просто как единичные ошибки в употреблении отдельных концептов, но как вносящие искажения в целые пласты обыденного языка. В-третьих, рассматриваются взгляды Ф. Вайсмана, несколько иначе трактующего задачи концептуального прояснения. На его взгляд, данная деятельность не исчерпывается задачей по лингвистической дискредитации некоторой проблемы, и внимательное рассмотрение оной может привести к «более глубокому пониманию языка»¹. По Вайсману, сомнения философа-скептика – это результат неудачной попытки вербально выразить то, для чего у него не хватает слов. Язык, будучи «заточен» под наш повседневный опыт, оказывается как бы непригодным для описания его сомнений в этом опыте – для этого наш язык «следовало бы отправить в переплавку»². Правильный способ реагирования на попытки скептика выйти за пределы существующих употреблений, по Вайсману, заключается в том, чтобы помочь ему «увидеть конструкцию понятий и формы, в которых он выражает свой вопрос»³ и тем самым противодействовать стереотипным формам выражения, навязывающим мышлению проторённые тропы. При этом, говоря о сомнениях, преодолевающих скептика, Вайсман подчёркивает: «Эти проблемы не надуманы»⁴. В-четвёртых, раскрывается позиция Г.Х. фон Вригта. Он также предлагает трактовать лингвистические путаницы не как результат искажения норм обыденного языка, но как следствие пробела в этих нормах. Задача концептуального исследования, на его взгляд, – в том, чтобы задавать значение тем концептам, однозначные критерии употребления которых пока ещё не установились, например, «морально благое». Тем самым хотя поводом для концептуального исследования и является озадаченность

¹ Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. / Науч. ред. Л.Б. Комиссарова. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 95.

значением некоторых слов и выражений, эта озадаченность, по Вригту, не устраняется указанием на данное отсутствие только. Рассмотрение взглядов П.М.С. Хакера, Н. Малкольма, Ф. Вайсмана и Г.Х. фон Вригта, позволяет нам выявить следующую характерную для концептуальных истолкований метода конфигурацию положений: а) главная задача философии – прояснение языка, направленное на артикуляцию семантики актуальных практик словоупотребления; б) выдвижение в философии содержательных истин является грубой ошибкой, т.к. эти истины по сути являются языковыми путаницами; в) философские проблемы – это результат либо нарушения правил философской грамматики, либо отсутствия у рассматриваемых концептов устоявшихся значений; г) практика философской терапии представляет собой механизм лингвистического устранения путаниц, и её параллели с психоанализом крайне условны; д) форма жизни – это не столько требующий рассмотрения предмет лингвофилософского исследования, сколько его предпосылка.

В **подпараграфе 2.3.2.** («Терапевтические интерпретации нового метода») на примере взглядов ещё нескольких ортодоксальных последователей Витгенштейна анализируется линия истолкования, сводящая его философский метод к специфической терапии. Во-первых, нами рассматривается истолкование, предложенное Г. Бейкером. Бейкер выступил против концептуальных трактовок, указав на отсутствие в них внимания к личностному характеру философских путаниц. Ограничивая применение нового метода только теми проблемами, которые в настоящий момент причиняют конкретному человеку беспокойство и страдания, он тем самым подчеркнул, что данные проблемы имеют не только лингвистический, но также и психологический уровень. Причём именно последний уровень является ключевым для понимания правильного способа работы с ними. На взгляд Бейкера, новый метод состоит в том, что при рассмотрении проблемы на смену неявным образам или аспектам значения, лежащим в основе беспокоящих человека парадоксов или путаниц, необходимо подобрать

другие – такие, которые, представив проблему в ином ракурсе, смогут нейтрализовать эти образы. Во-вторых, даётся характеристика истолкования метода Дж. Уиздомом. Для терапевтической трактовки Уиздома характерно убеждение в том, что «философские положения чем-то напоминают высказывания невротика, которыми тот руководствуется, не вполне им веря»¹, а «работа философа напоминает, если не воспроизводит, работу психоаналитика»². Уиздом подчёркивает, что изложение проблемы должно иметь форму повествования, должно наиболее полным образом описывать то высказывание, которое вызывает проблему. В случае если это требование соблюдается, философ-терапевт обнаруживает, что вещи «встали на свои места» и загадочность проблемы пропала. В-третьих, рассматриваются взгляды М. Лазеровица. Хотя Лазеровиц абстрагировался от задачи по снятию ментального дискомфорта, он предложил подвергнуть терапии невротическую неспособность множества философов трезво оценить природу своих исследований. На его взгляд, хотя традиционная философия и построена на искажении грамматики обыденного языка, к нему их подталкивает невротическая одержимость образом «всемогущего мыслителя», «платоновского исследователя предельных черт реальности, который мощью своей мысли способен охватить всё время и всё бытие»³. Непреодолимое желание возвыситься в своём умозрении до предельных предметов затуманивает лингвистические интуиции философов, что отдалённо напоминает конфликт принципов удовольствия и реальности у Фрейда. Эту склонность Лазеровиц распространяет не только на традиционную метафизику, но и на более сдержанную в своих амбициях аналитическую традицию. На его взгляд, независимо от убеждений философы игнорируют очевидные недостатки самого образа своего исследования по той причине, что

¹ Цит. по *Козлова М.С.* Джон Уиздом. Концепция философских парадоксов // *История философии.* 1997. № 1. С. 112.

² *Рахманин А.Ю.* Логика и религия в философии языка Джона Уиздома. С. 37.

³ *Lazerowitz M.* *The Language of Philosophy: Freud and Wittgenstein.* Boston: D. Reidel, 1977. P. 2.

его реальные возможности гораздо менее привлекательны, чем внушаемые им иллюзии. Проведённое рассмотрение взглядов Г. Бейкера, Дж. Уиздома и М. Лазеровица позволяет нам выявить в терапевтической линии истолкования ряд следующих положений: а) основная задача философии – избавление людей от философских проблем, во власти которых они находятся, и которые доставляют им беспокойство; б) основным источником философских проблем является психология человека и её специфические патологии; в) выдвижение содержательных истин в философии неприемлемо, т.к. они стимулируют разного рода интеллектуальные неврозы; г) процедура концептуального анализа является не самостоятельным способом исследования, но инструментом терапии. Следует при этом отметить, что в рамках терапевтического истолкования не получает развития концепция «форм жизни».

В подпараграфе 2.3.3. («Интерпретация нового метода как исследования форм жизни») рассматриваются истолкования, подчеркивающие социокультурную ориентированность метода Витгенштейна. Для этого, во-первых, даётся общая характеристика интерпретации, предложенной новыми витгенштейнианцами. Отталкиваясь от критики концептуальных трактовок, они указывают что последние недостаточно «решительно» прочитывают антитеоретизм мыслителя. Так, теории мыслителя многие ортодоксы принимают за чистую монету. При этом складывается неоднозначная ситуация, когда, с одной стороны, эти авторы отрицают осмысленность философских теорий, а, с другой, строят на них свои программы. Напротив, на взгляд новых витгенштейнианцев, когда Витгенштейн утверждает, что философские теории бессмысленны, то говорит он это буквально и говорит не только о теориях традиционной и сциентистской аналитической философий, но и о своих собственных. Данные авторы полагают, что «одной из основных целей работы Витгенштейна было привести нас к осознанию того замешательства, к которому приводят попытки

взглянуть на язык с внешней по отношению к нему позиции»¹. Сторонники «решительного прочтения» полагают, что рудименты этой «внешней позиции» осознанно сохраняются Витгенштейном, например, в идее языковых игр и концепции «семейного сходства», ставя перед читателем задачу преодолеть их. При этом здоровое стремление к познанию, всё же содержащееся философии, может быть удовлетворено «с помощью внимания к нашим повседневным формам выражения и к тому миру, который эти формы выражения помогают раскрыть»². Во-вторых, рассматриваются взгляды С. Кэйвла, повлиявшие на новых витгенштейнианцев. Свою трактовку нового метода Кэйвл строит, отталкиваясь от истолкования взглядов Витгенштейна на скептицизм. На его взгляд, в «Философских исследованиях» мыслитель вовсе не пытался опровергнуть скептиков и, напротив, видел справедливость в их утверждениях об отсутствии у нашей картины мира каких-либо безусловных оснований. На взгляд Кэйвла, скептицизм, понятый как отрицание этой принудительной истинности форм жизни, преподносит человеку важный урок о самом себе. Поскольку нет никакой объективной перспективы, с которой можно обосновать свою картину мира, сама эта картина теряет непреложность – мировоззрение перестаёт быть чем-то, что может быть точно сформулировано или верифицировано. Это открывает дорогу философскому романтизму: т.к. ничто не ограничивает человека в созидании своего внутреннего мира, он должен стремиться к всё более широкому взгляду на мир. Анализ взглядов новых витгенштейнианцев и С. Кэйвла позволяет сформулировать следующий ряд положений, характеризующий общую им позицию: а) задача философии – практическое переосмысление форм жизни; б) в философии следует отказаться не только от выдвижения содержательных истин, но также и от использования любых философских теорий или концепций, в том числе и от сформулированных Витгенштейном; в) техника концептуального прояснения языка,

¹ *Crary A. Introduction // The New Wittgenstein. P. 4.*

² *Ibid. P. 1.*

предложенная мыслителем, будучи построенной на семантической теории, также должна быть отброшена; г) философская терапия направлена на избавление человека от сомнений в подлинности форм жизни, а не на устранение вызываемого ими беспокойства; д) философские проблемы – это метафизические искажения тех реальных забот и трудностей, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни.

Рассмотрение ортодоксальных подходов к интерпретации метода Витгенштейна подытоживается нами в **подпараграфе 2.3.4.** («Тайны не существует?»). Во всех трёх подходах, концептуальном, терапевтическом и построенном на концепции форм жизни, выявляются следующие общие черты. Во-первых, отсутствие удовлетворительной интерпретации природы проблем философии. Так, в рассмотренных подходах, не все авторы чётко артикулируют свои взгляды на природу философских проблем. Напротив, те авторы, которые делают это, как правило, утверждают, что у философских проблем отсутствуют какие-либо рациональные основания. При этом их аргументация строится на а) том тезисе, что осмысленное словоупотребление ограничено обыденным языком, и б) выявлении нарушения норм обыденного языка *некоторыми* философскими проблемами. При этом, даже допуская истинность тезиса (а), из (б) нельзя сделать заключение, что *все* философские проблемы являются бессодержательными – для этого потребовалось бы показать, что все они основаны на нарушении правил словоупотребления, что едва ли возможно. Во-вторых, всем рассмотренным авторам свойственно стремление поставить перед философией практическую задачу, имеющую гуманистический подтекст. Действительно, даже прояснение языка трактуется ортодоксальными витгенштейнианцами в перспективе способности философии освободить мышление людей от путаниц.

В итогах главы отмечается, что рассмотрение генезиса нового метода Витгенштейна в таких работах, как «Лекции Витгенштейна в 1930-33 гг.», «Голубая книга», «Философские исследования» и «О достоверности», позволило нам в § 2.2.6. свести этот метод к ряду положений. На этом

основании была выдвинута гипотеза о том, что расхождения между ортодоксальными последователями мыслителя в истолковании нового метода возникли из-за различий во взглядах на то, какое из перечисленных положений является ключевым, и в чём должна состоять цель философского исследования. Действительно, анализ ортодоксальных истолкований учения Витгенштейна о природе философии показал, что если в качестве цели выбирается прояснение языка, все остальные положения метода осмысляются в свете построения концептуальной географии и устранения концептуальных путаниц. Если целью объявляется философская терапия, положения метода интерпретируются в призме устранения вызываемых философией невротических состояний. Когда же целью становится исследование форм жизни, положения метода предстают в свете проблем жизни и самоопределения человека. Очерченный таким образом контекст исследования природы философии в ортодоксальном витгенштейнианстве позволяет дать следующую предварительную характеристику подхода школы Суонси. Во-первых, они придерживаются трактовки философии как исследования форм жизни. Во-вторых, представители данной школы признают наличие у философских проблем рациональных оснований. В-третьих, они считают ошибочным использование философии для получения каких-либо практических результатов.

Третья глава («Проблема природы философии в трактовке витгенштейнианцев университета Суонси») посвящена реконструкции и историко-философской оценке взглядов школы Суонси на природу философии.

В параграфе 3.1. («Философия языка Витгенштейна в интерпретации Р. Риса») рассматриваются идеи философии языка Р. Риса, ставшие основой суонсийского понимания природы философии. **В подпараграфе 3.1.1.** («Аргумент приватного языка: Рис как сторонник «позиции сообщества») разбирается т.н. «позиция сообщества», представленная Рисом в статье

«Может ли существовать индивидуальный язык?». Выявляются два основных её положения. Во-первых, публичность является сущностным свойством языка. Содержание знакам придают не некие частные ощущения, но лингвистические нормы, или правила, поддерживаемые сообществом. Вне этой системы знаки были бы бессмысленны. Во-вторых, правила не могут существовать приватно. Так, у человека, находящегося вне сообщества, по Рису, отсутствует мотив вводить однообразное использование понятий для обозначения цветов, форм, ощущений, родов и видов и т.д. Подобные языковые практики он считает прерогативой публичного языка, обеспечивающего удовлетворение потребности людей во взаимопонимании. Именно укоренённость языка в социальных практиках, необходимость понимать друг друга, полагает Рис, стимулирует нормативное словоупотребление.

В подпараграфе 3.1.2. («Неполнота языковых игр, единство языка и глубинная грамматика») рассматривается критика концепции языковых игр, представленная Рисом в статье «Строители Витгенштейна». В работе выделяются две следующие идеи. Во-первых, по отдельности языковые игры не могут обеспечить полноценную коммуникацию. На взгляд Риса, за умением человека говорить стоит нечто большее, чем навыки построения правильных предложений, и в действительности владение языком предполагает способность различать, когда утверждение уместно, а когда неуместно, когда удачно, а когда используется в переносном смысле. Отдельные грамматики языковых игр не могут регламентировать это умение, им не хватает для этого своеобразного бокового зрения. Во-вторых, в философии, по Рису, язык следует рассматривать не как множество фрагментов речевой деятельности, или языковых игр, но как целое. На его взгляд, лингвистические практики не могут существовать автономно друг от друга: «...разные языковые игры – это не разные языки в том же смысле, что французский и английский», т.к., например, «не имеет смысла говорить о переводе с одной языковой игры на

другую»¹. Будь языковые игры автономны, о них нельзя было бы сказать, что они принадлежат одному языку. Сходство подобной точки зрения на язык с концепцией «глубинной грамматики» (по Витгенштейну, с правилами, не выводимыми из собственного содержания игр и отвечающими за то, что только подразумевается говорящим, но напрямую не утверждается, например, намёки, ирония и т.п. (ФИ, § 664)), приводит нас к выводу, что связать между собой фрагменты языковой практики Рису позволяет указание на их включенность в единую форму жизни.

В параграфе 3.2. («Диалектика скепсиса и понимания у Р. Риса») реконструируется концепция природы философских проблем Риса, вытекающая из его лингвофилософских идей. Показывается, что его концепция единства языка, не являясь неким догматом, предполагает сомнение в нашей способности выражать и воспринимать смысловое богатство формы жизни, более того – сам факт существования этой формы жизни. Действительно, Рис показывает, что даже в тех случаях, когда грамматика чётко определяет значение слов (например, в игре 2), вопрос об осмысленности употребления остаётся открытым. Нам может показаться невероятным, что данная грамматика способна полностью вместить человеческую жизнь. Подлинные философские сомнения, следовательно, порождает не область эпистемологии, но, скорее, антропологии, та сфера, которую можно назвать «наша жизнь с концептами». Ключевым вопросом при таком рассмотрении оказывается вопрос о том, отдаём ли мы себе отчёт о смысле используемых нами слов. Возникающее здесь сомнение, по Рису, оказывается парадигмальным для философии в целом, позволяя определить её основную задачу как рост понимания.

Развитие идей Риса о единстве языка и росте понимания прослеживается в **параграфе 3.3.** («Питер Уинч: философия как эпистемология, эпистемология как социальная наука») в концепции философского

¹ Ibid. P. 176.

исследования П. Уинча. Он утверждает, что философия является способом исследования различных пониманий реальности и свойственных им критериев реального. При этом он разграничивает две разновидности такого исследования. Одна – это рассмотрение частных способов понимания реальности (научного, религиозного, политического и пр.). По Уинчу, она не является в полном смысле собственным делом философии. Другой, подлинный способ исследования, однако, Уинч характеризует достаточно расплывчато. Нами показывается, что этот способ основывается на лингвофилософских идеях Риса и направлен на решение задачи по осмыслению единства некоторой формы жизни. Причём Уинч существенно дополняет эти идеи Риса, подчёркивая, что отдельные концепты и высказывания могут иметь фундаментальное значение для форм жизни, являясь как бы ключом к их осмыслению. Недостатком предложенного Уинчем подхода, на наш взгляд, являются потенциальная бесконечность такого исследования и невозможность получить какие-либо конкретные результаты, а также то, что в рамках подобного исследования философские проблемы теряют свою специфику, сближаясь с проблемами культурологии.

В **параграфе 3.4.** («Созерцательная концепция философии Д.З. Филипса») рассматриваются положения созерцательной концепции Д.З. Филипса, подчёркивающие, что философии не следует как-либо вмешаться в исследуемые формы жизни. В **подпараграфе 3.4.1.** («Этика как исследование моральных практик в раннем творчестве Д.З. Филипса») раскрывается специфический смысл, вкладываемый Филипсом в высказывание «философия оставляет всё как есть» (ФИ, § 124). Используя в качестве иллюстрации возражения против трактовки метаэтикой и этикой добродетели философии морали как арбитра, разрешающего нравственные разногласия, показывается, что, на взгляд Филипса, наличие в форме жизни разных точек зрения не является чем-то, что философам следует преодолеть. Напротив, их задача состоит в обратном – в осмыслении разных взглядов и выявлении неявных смысловых нюансов. Делается заключение о том, что

приведённое высказывание Витгенштейна Филипс понимает как максимум, запрещающую философам вмешаться в актуальные практики и сводящую их деятельность исключительно к описанию ради описания. В **подпараграфе 3.4.2.** («“Философия ни к чему не стремится”»), во-первых, показывается, что, по Филипсу, ошибкой является использование философии для достижения каких-либо теоретических результатов, т.к. это, на его взгляд, неизбежно ведёт к попыткам переосмысления устоявшейся картины мира и, как следствие, к искажению реальности. Во-вторых, раскрывается убеждение Филипса в том, что созерцание существующих картин мира также не может быть направлено на решение каких-либо социокультурных проблем, т.к. подобное решение ведёт к искажению реальности, поскольку предполагает элиминацию отличий, существующих между формами жизни и внутри них. Также нами отмечаются слабые стороны созерцательной концепции, в частности отсутствие у Филипса открытого признания ошибочности методологического плюрализма в контексте рассмотрения им проблемы природы философии.

Антропологическое истолкование реальности, свойственное школе Суонси, рассматривается в контексте творчества И. Дилмана в **параграфе 3.5.** («Проблема реализма и “априорная антропология” И. Дилмана»). Излагается представление Дилмана о том, что идея о физическом существовании вещей уже заложена в обозначающих их концептах, а философская гипотеза о дуализме объективной и субъективной реальностей является ложной. Реальность, на взгляд Дилмана, следует мыслить вне подобного дуализма. По его мнению, она представляет собой не данность, существующую независимо от повседневного мира человека, но множество специфических способов употребления языка, характерных для разных дискурсов. Подобное убеждение позволяет Дилману представить проблему реализма как проблему осмысленности нашей картины мира, а также подчеркнуть важность литературы как способа придания этой проблеме необходимой выразительности. Среди недостатков позиции Дилмана нами подчёркивается тот, что принимаемый им антропологизм, связывая язык и форму жизни,

неизбежно вовлекает в осмысление любых вопросов всю социокультурную сферу, что оправдано для рассмотрения далеко не любой философской проблемы.

В итогах главы даётся характеристика истолкования школой Суонси природы философии. Показывается, что в основе их учения лежит следующая интерпретация положений, представленных в § 2.2.6.: а) задачей философии является исследование форм жизни; б) многие философские проблемы осмыслены и сводятся к вопросу об интеллигибельности языка; в) в философии ошибочным является не только выдвигание теорий, но также и попытка переосмысления установившихся картин мира; г) техника концептуального анализа должна быть направлена на описание глубинной, а не поверхностной грамматики. Данная реконструкция позволяет нам выявить сильные и слабые стороны подхода суонсийцев. Сильной стороной их подхода, на наш взгляд, является трактовка философских проблем. Так, в отличие от большинства последователей Витгенштейна, суонсийцы показывают, что в философии есть такая проблема, которая не нарушает правил словоупотребления и не требует принятия позиции, внешней форме жизни. При этом они не отрицают классические метафизические учения, утверждая, что оные также могут быть проинтерпретированы в свете данной проблемы. Это позволяет признать продуктивным также и их взгляд на философскую традицию. К недостаткам подхода суонсийцев можно отнести некоторую неопределённость полученных ими результатов. Суонсийцы, основывая философское исследование на идее о единстве языка, превращают его в потенциально бесконечное занятие, направленное на выявление всё новых и новых смыслов во всё новых и новых контекстах. В этом отношении подобная перспектива исследования едва ли может быть названа удачной для осмысления, например, логики и математики, формулировка и решение проблем которых часто зависит от использования максимально точной оптики. На наш взгляд, та бескомпромиссность, с которой школа Суонси ограничивает философию человеческим измерением, подчёркивает

негативную черту, общую многим ортодоксам и заключающуюся в нежелании сталкивать и сопоставлять взгляды Витгенштейна на природу философии с идеями об этом предмете иных представителей аналитической традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос «что такое философия?» веками занимает философов. При этом можно заметить, что в зависимости от эпохи и господствующего мировоззрения содержание и характер предлагавшихся на него ответов различаются. Двадцатый век стал временем становления плеяды новых ярких течений: философии жизни, прагматизма, аналитической философии, феноменологии, экзистенциализма и ряда других. Представленные в них взгляды на природу философии отразили пресыщенность западной интеллектуальной культуры спекуляциями об отвлечённых метафизических понятиях и одновременно показали возросший интерес к более конкретным предметам, таким как человек, язык, наука и пр. Какой вклад витгенштейнианство вносит в происходящие трансформации представлений о природе философии? Как можно охарактеризовать нишу, занимаемую Витгенштейном и его последователями в разнообразии современных метафилософских идей?

Ответ на эти вопросы зависит от того, кого следует считать витгенштейнианцами. Нами было показано, что с бóльшим правом на это название могут претендовать те последователи Витгенштейна, которые убеждены в истинности его учения о природе философии. При этом даже таким образом обозначенные рамки движения охватывают крайне обширную область исследования и выделяют чрезвычайно неоднородный ряд авторов с «многоголосицей» идей, дать которым общую и однозначную характеристику не представляется возможным. Значительно сузить круг исследуемых витгенштейнианцев позволяет обращение к ортодоксальным последователям учения Витгенштейна, т.е. к тем из них, кто сохранил антидогматический настрой мыслителя и предложил творческое осмысление его взглядов на природу философии, в связи с чем чьи идеи пользуются особым авторитетом. К таким исследователям, на наш взгляд, следует отнести Г.Х. фон Вригта,

Н. Малкольма, Ф. Вайсмана, П.М.С. Хакера, Г. Бейкера, Дж. Уиздома, М. Лазеровица, К. Даймонд, представителей школы Суонси и др.

На основе анализа работ этого круга авторов нами был выделен ряд характерных для витгенштейнианства метафилософских представлений. Прежде всего последователи Витгенштейна выступили против того положения, что философия нацелена на построение каких-либо объясняющих теорий и получение с их помощью нового знания. Отрицая возможность каких-либо осмысленных рассуждений об объективной реальности, существующей вне и независимо от убеждений человека, они ограничили полномочия философии исследованием человеческого измерения, тесно связанного с обыденными способами словоупотребления. Как следствие, многие авторы отказались от критического осмысления реальности и подлинную цель философии усмотрели в достижении практически значимых результатов: прояснении языка, устранении ментального дискомфорта или изменении картины мира. Востребованной также оказалась та идея Витгенштейна, что философские проблемы лишены рациональных оснований, а подлинной задачей философии является терапия метафизических путаниц, характерных не только для традиционных, но и для современных учений. Это привело к противопоставлению творчества Витгенштейна всей остальной философии как ошибочной, причём ошибочной не просто в отдельных аспектах, но в понимании целей и задач философского исследования как такового.

Хотя далеко не все ортодоксы высказались в поддержку идеи об отсутствии у философских проблем рациональных оснований, лишь немногие из них открыто выступили против неё. Одну из таких попыток предприняли представители школы Суонси: Р. Рис, П. Уинч, Д.З. Филипс и И. Дилман. Теоретическая реконструкция их взглядов показала, что в центр трактовки учения Витгенштейна о методе может быть поставлена проблема возможности понимания, прочитанная как сомнение в осмысленности дискурсов, образующих наши формы жизни. Это в свою очередь сняло

противопоставление учения мыслителя остальной философии как ошибочной. Недостатком такого подхода, однако, можно назвать то, что согласно предлагаемой суонсийцами перспективе исследования, установление осмысленности выражения возможно только путём его рассмотрения в рамках существующей формы жизни. В работе мы отметили, что этот способ анализа значения подходит для понимания отнюдь не всех философских проблем. В частности проблемы философии логики и философии математики теряют свой специфический смысл, будучи рассмотрены в социокультурной плоскости. Иначе говоря, чтобы доказать, например, что религия или моральные нормы не являются аналогом языковой игры строителей (ФИ, §2), т.е., в трактовке школы Суонси, бездумной деятельностью, построенной на следовании командам, нам действительно следует рассмотреть их в широком культурном контексте, осмыслить их как существенную часть нашей формы жизни. Напротив, когда речь заходит о проблеме природы числа или философских основаниях математики, подобный подход только уведёт исследование в сторону, т.к. при их изучении задача исследователя состоит скорее в том, чтобы отбросить все не относящиеся к делу контексты. Несмотря на подобные недостатки, однако, следует подчеркнуть, что школа Суонси, указав на наличие рациональных оснований у классических философских проблем, смогла преодолеть некоторый догматизм в вопросе о природе философии, характерный для ортодоксального витгенштейнианства.

Следует отметить, что рассмотрение идей витгенштейнианства в целом позволяет по-новому взглянуть на проблему природы философии в аналитической традиции. Как правило, последняя связывается с идеалами научного знания и, по сути, предполагает устранение философствующим самого себя из перспективы исследования. Действительно, начатое Расселом и Муром восстание против спекулятивной метафизики впоследствии привело к разработке в аналитической традиции множества подобных подходов. Это направление, однако, не стало единственным и, как мы стремились показать в настоящей работе, сциентистско-натуралистским проектам аналитической

философии были противопоставлены антропоцентричные учения витгенштейнианства, запрещающие выносить исследователя и формы жизни за скобки рассмотрения. На наш взгляд, экспликация расхождений, возникших между этими подходами, позволит в будущем глубже поставить вопрос о целях и задачах философии.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты диссертационного исследования представлены в статьях, опубликованных автором в изданиях, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в списки **журналов высокого уровня** НИУ ВШЭ:

1. *Золотков Г.А.* «Концепция языковых игр» как решение проблемы природы философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 46–52.

2. *Золотков Г.А.* Проблема природы философии в «ортодоксальном» витгенштейнианстве // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 61–73.

3. *Золотков Г.А.* О возвращении к метафизике в аналитической философии сознания // Философские науки. 2018. № 10. С. 130–142.

Другие публикации по теме диссертации:

1. *Золотков Г.А.* Об этическом смысле «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международная научная конференция, Курган, 09–10 апреля 2015 года / отв. ред. Б.С. Шалютин. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2015. С. 44–46.

2. *Золотков Г.А.* Проект негативной метафизики нравственности в работах Л. Витгенштейна // «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. СПбГУ. 2016. С. 90–93.

3. *Золотков Г.А.* Дискуссия Хакера и Уильямсона о методе философии // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017.

4. *Золотков Г.А.* Как связан анализ языка с экзистенциальными проблемами: П. Уинч и И. Дилман о гуманистической природе философии //

Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016». Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М. МАКС Пресс, 2016.

5. *Золотков Г.А.* Проблема несводимости эстетических феноменов к языковому выражению в работах Л. Витгенштейна // Артикульт. 2017. Т. 26. № 2. С. 122–127 (в соавторстве с А. Жулитовой).

6. *Золотков Г.А.* Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 47–59.

7. *Золотков Г.А.* Стэнли Кэйвл // Западная философия XX–XXI вв.: Интеллектуальные биографии / Отв. ред. И.Д. Джохадзе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 227–240.

Отдельные положения диссертации были изложены автором в следующих **научных докладах и выступлениях**:

1) Доклад «Как связан анализ языка с экзистенциальными проблемами: П. Уинч и И. Дилман о гуманистической природе философии» на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016» (Москва, МГУ, 11–15 апреля 2016 г.).

2) Доклад «Созерцательная концепция философии Д.З. Филипса». На VII Международной конференции «Способы мысли, пути говорения» (Москва, НИУ ВШЭ, 27–30 апреля 2016 г.).

3) Доклад «Проект негативной метафизики нравственности в работах Л. Витгенштейна» на VIII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2016» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 17–19 ноября 2016 г.).

4) Доклад «Дискуссия Хакера и Уильямсона о методе философии» на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2017» (Москва, МГУ, 11–15 апреля 2017 г.).

5) Доклад «Концепция языковых игр как решение проблемы природы философии» на Международной научной конференции «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, ТГУ, 26–27 мая 2017 г.).

6) Доклад «Витгенштейнианство XX–XXI вв. Рецепция философского метода Л. Витгенштейна его учениками и последователями» на семинаре «Западная философская мысль XX–XXI вв. История идей и учений» (Москва, Институт философии РАН, 31 октября 2017 г.).

7) Доклад «Рецепция идей Витгенштейна о природе философии и связанные с ней проблемы» на научно-исследовательском семинаре аспирантской школы по философским наукам НИУ ВШЭ (Москва, НИУ ВШЭ, 3 марта 2017 г.).

8) Доклад «Критика традиционной философии сознания в рамках философии обыденного языка: Г. Райл, Р. Рис, Н. Малкольм» на Международной научной конференции «uAnalytiCon-2018: Ментальное и границы языка» (Екатеринбург, УРФУ, 10–12 мая 2018 г.).

9) Выступление «Метод Людвига Витгенштейна» в рамках публичной лекции в книжном магазине РГГУ «У кентавра» (Москва, РГГУ, 5 июля, 2018 г.).

10) Доклад «Метафизика в аналитической традиции: опровергнуть или предать забвению» на Международной научной конференции «Метафизика и постметафизическое мышление» (Москва, Институт философии РАН, 22 октября 2019 г.).

11) Доклад «Виднее ли со стороны? Несколько размышлений о нарративной модели истории аналитической философии» на Международной конференции «Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития», приуроченной к 80-летию со дня рождения научного руководителя ИФПР СО РАН, д.филос.н., профессора Виталия Валентиновича Целищева

(Новосибирск, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, 25-26 февраля 2022 г.).

12) Доклад «От “Философских исследований” к “Королю Лиру”. С. Кэйвл читает У. Шекспира» на всероссийской научной конференции «История систем мысли сегодня: порядок превосходящего» (Москва, РГГУ, 6 апреля 2022 г.).

13) Доклад «Природа философии и поворот к антропологии в учениях витгенштейнианцев» на теоретическом семинаре сектора аналитической антропологии (Москва, Институт философии РАН, 8 июня, 2023 г.).